

МЕТОД ДВЕНАДЦАТОГО УДАРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Шмаков Максим

18+

Максим Шмаков

Метод двенадцатого удара

«Автор»

2026

Шмаков М.

Метод двенадцатого удара / М. Шмаков — «Автор», 2026

В мрачном городе, где неоновые вывески гниют под дождем, детектив Ксавьер Торн ведет охоту на серийного маньяка по прозвищу «Калибровщик». Но чем глубже он погружается в расследование, тем больше понимает: реальность трещит по швам. Его преследует призрак раздвоения личности, таинственная женщина с вертикальными зрачками и сеть влиятельных людей, которые превратили человеческие органы в ключи от власти. Когда часы бьют полночь, грань между жертвой и палачом исчезает. Это история о том, как монстр внутри нас охотится за собственной душой.

© Шмаков М., 2026

© Автор, 2026

Максим Шмаков

Метод двенадцатого удара

Метод двенадцатого удара

Дождь в Портленде пахнет озоном, мокрой шерстью и старыми грехами. Он смывает кровь с брусчатки быстрее, чем копы успевают оцепить квартал, но запах железа остается висеть в воздухе — тяжелый, металлический, оседающий на языке привкусом дешевых монет.

Я стоял под козырьком заброшенной аптеки на пересечении Третьей авеню и Забвения. Витрина магазина зияла выбитым зубом, за стеклом манекены без голов тянули к пустоте пластмассовые руки. На моих руках были надеты тонкие кожаные перчатки. Не для того, чтобы скрыть отпечатки — детективу моего калибра плевать на отпечатки, у меня есть лицензия на любую грязь. Перчатки нужны были для другого: я терпеть не мог ощущение чужой органики на собственной коже.

— Ты опоздал на три минуты, Х, — прохрипел голос из темноты арки.

Из тени вынырнул Викс. Пальто, наброшенное прямо поверх полосатой пижамы, делало его похожим на сбежавшего пациента психушки. Его левый глаз дергался в нервном тике, а в руке он сжимал газету так сильно, что костяшки побелели.

— Время — это просто иллюзия, которую придумали кредиторы, — ответил я, стряхивая воду с полей шляпы. — Что у тебя? Только давай без театральных соплей, мой зонт остался в другом пальто.

Викс дрожащей рукой протянул мне свежий выпуск «Дейли Ньюс». Третья полоса. Заголовок кричал жирным шрифтом: «СЕРИЙНЫЙ КАЛИБРОВЩИК СНОВА НАНЕС УДАР. ЖЕРТВА №4 НАЙДЕНА БЕЗ СЕРДЦА». Под статьей красовалась моя собственная фотография трехлетней давности — тогда я еще улыбался прессе после закрытия дела табачного короля.

— Это снова он, — просипел Викс. — Тот самый почерк. Часы остановлены ровно в полночь. Тело обескровлено через систему медицинских дренажей, как будто убийца сливает бензин из бака. Но самое странное... жертва умерла от остановки сердца до того, как ей вскрыли грудную клетку. Ни капли адреналина в крови. Никаких следов борьбы. Они просто ложатся и ждут, пока их разберут на запчасти.

Я развернул газету. Мое лицо осталось непроницаемой маской, но внутри привычно щелкнул невидимый механизм. Четвертая жертва. Совпадений не бывает. Этот парень работает по графику, словно швейцарские куранты. И сегодня ночью бьет двенадцатый час.

— Где тело? — спросил я, доставая из внутреннего кармана плаща плоскую фляжку. Глоток бурбона обжег горло, возвращая миру резкость. — Старый городской морг. Район доков. Там сейчас никого, кроме пары сонных патрульных. Шериф отдал приказ пускать только тебя. Сказал, что если кто-то и поймет, как вытащить сердце через позвоночник, не повредив сосуды, то только ты. Все считают, что этот мясник — твой старый недоброжелатель. Копирует твой стиль десятилетней давности. — Мой стиль — это запугивать свидетелей до полусмерти,

а не играть в патологоанатома, — я убрал флягу. — Ладно. Поехали посмотрим на мертвецов. Может, они окажутся более разговорчивыми, чем твои информаторы.

Мы спустились к воде. Сырость здесь была гуще, она липла к щекам, как дешевый кисель. Здание старого морга напоминало склеп — серый гранит, покрытый черными пятнами плесени. Дверь оказалась приоткрыта.

Патрульные действительно отсутствовали. Я оставил Вика мерзнуть в коридоре у каталки, пообещав ему пять минут осмотра, а сам прошел в секционный зал.

Холод ударил мгновенно. Внутри пахло формалином, хлоркой и едва уловимым ароматом дорогого лавандового мыла.

Он лежал на столе под яркой бестеневой лампой. Мужчина лет пятидесяти, одетый в безупречный костюм-тройку. Даже мертвый он выглядел как банковский клерк высшего звена. Его грудь была аккуратно зашита суровой нитью — стежок к стежку, работа профессионала.

Я подошел ближе. На шее жертвы виднелась крошечная точка — след инъекции. Я взял со столика металлическую чашу Петри, в которой лежал извлеченный орган. Сердце было абсолютно целым, гладким, лишенным рубцов. Оно покоилось в прозрачной жидкости, все еще влажное и тяжелое.

Странно. Обычно «Калибровщик» оставлял орган рядом с телом, как визитную карточку. А здесь...

Мои пальцы в перчатке коснулись холодной стали хирургического ретрактора. Инструмент был теплым. Кто-то трогал его меньше минуты назад. Лампа над столом тоже излучала жар.

— Выходи, — бросил я в полумрак зала, расстегивая кобуру под мышкой. — Игра в прятки утомляет даже полицейских.

Тишина. Лишь мерное капанье воды из ржавых труб. Кап. Кап. Кап. Ритм идеально совпадал с секундной стрелкой часов на моей руке. Полночь.

И тут я услышал дыхание. Тихое, размеренное, исходящее откуда-то снизу. Из-под операционного стола.

Я резко наклонился, направляя туда луч фонаря.

Там, свернувшись клубком между хромированных ножек стола, сидел человек. На нем был забрызганный кровью белый халат. Одной рукой он прижимал к груди какой-то сверток, завернутый в хирургическую простыню, другой — механически поглаживал ее поверхность.

Убийца поднял голову. Свет отразился в его глазах, сделав их похожими на два осколка бутылочного стекла.

На его губах играла вежливая, почти виноватая улыбка.

— Простите, мистер Х, — прошептал он тонким, ломающимся голосом. Голосом ребенка или кастрата. — Я не хотел вам мешать. Просто проводил независимую экспертизу.

Он медленно начал разворачивать ткань. Внутри, переливаясь в свете лампы глянцевыми боками, лежало человеческое сердце. Идеально чистое.

— Вы всегда такой невнимательный? — мягко спросил он, продолжая ритмично поглаживать орган ладонью. — Или только когда смотрите на себя в зеркало?

Его слова повисли в ледяном воздухе. Я замер. По спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в морге.

Зеркало. Напротив секционного стола во всю стену висела старая потускневшая панель. Профессиональная привычка — проверять периметр.

Я машинально перевел взгляд на стекло.

Из зеркала на меня смотрел детектив в помятой шляпе и длинном плаще. Человек, который пришел осматривать труп. Человек, у которого на правой скуле темнела свежая ссадина, а на манжете рубашки запеклось маленькое алое пятно.

Но мои руки...

Мои руки в отражении были голыми. Кожаных перчаток на них не было. Более того, ногти были обломаны под корень, а кожа вокруг кутикул казалась синеватой, как у человека, долго державшегося за лед.

Я опустил глаза на свои реальные руки. Плотная коричневая кожа перчаток никуда не исчезла. Я чувствовал их текстуру. Чувствовал, как большой палец левой руки нервно постукивает по рукояти револьвера.

Постукивает.

Ритм этого постукивания — быстрый, тревожный, неровный — никак не мог быть медленным, метрическим «Кап. Кап. Кап.» старых труб.

Человек под столом перестал улыбаться. Теперь он смотрел на меня с искренним научным интересом, слегка наклонив голову набок.

— О, — тихо выдохнул он. — Кажется, фаза отрицания закончилась. Вы наконец заметили разницу в частоте пульсации. Когда галлюцинация начинает спорить с тактильными ощущениями, шизофрения переходит в терминальную стадию, верно, Артур?

Воздух в легких закончился. Имя «Артур» ударило по барабанным перепонкам физической болью. Меня зовут Ксавьер. Мистер Х. Детектив полиции.

Я снова посмотрел на свое отражение. Лицо в стекле исказилось. Исчезла профессиональная усталость, пропала щетина. Глаза стали пустыми, кукольными, а уголки рта поползли вниз в гримасе животного ужаса.

Детектив в зеркале разжал руку. Револьвер со звонким лязгом упал на кафельный пол. Отражение смотрело на свои собственные ладони так, словно видел их впервые. На гладкой поверхности стекла не было никаких перчаток. Только бледная, дрожащая кожа.

Под столом раздался тихий, одобрительный смешок.

— Добрый вечер, доктор Джекил, — прошептал убийца, нежно прижимая холодное сердце к своей щеке. — Как спалось в гостях у мистера Хайда? Вы пропустили самую интересную часть операции. Пришлось начинать без вас. Хотите посмотреть, куда я спрятал заводной ключик?

Лампочка над операционным столом лопнула с оглушительным хлопком, погрузив зал в абсолютную, непроглядную тьму. Единственным звуком в ней оставалось лишь ровное, спокойное биение живого сердца, которое держал в руках безумец. Биение, отсчитывающее последние секунды перед моим полным пробуждением.

Глава 1. Анатомия чужих снов

Название главы: Палата номер «Вчера»

Пробуждение всегда пахнет озоном и формалином, но на этот раз к букету примешался запах жженой пробки и дешевого крахмала. Я открыл глаза. Потолок был ослепительно белым, а лампа дневного света над головой издавала низкочастотный гул, от которого вибрировали пломбы в зубах.

Я сел рывком. Тело отозвалось тупой болью в пояснице и запястьях. На мне была смиренная рубашка из плотной парусины. Руки плотно притянуты к туловищу, пальцы едва могли шевелиться.

— Доброе утро, мистер Торн, — раздался голос откуда-то сбоку. Спокойный, лишенный эмоций баритон человека, который привык общаться с буйными пациентами за пуленепробиваемым стеклом.

Я повернул голову. В старом кожаном кресле сидел мужчина в твидовом костюме. Доктор Фелл. Его лицо состояло из сплошных углов, а очки в роговой оправе сидели так криво, словно их надели на череп уже после того, как тот перестал быть живым. В руках он держал мое портмоне.

— Вы неплохо устроились для мертвеца, — прохрипел я. Горло драло так, будто я целую ночь кричал в подушку. Или глотку кому-то другому. — Где мы? И почему на мне костюм покойника?

Фелл перелистнул страницу моего бумажника, достал оттуда полицейский значок детектива первого класса и задумчиво покрутил его между пальцами. Металл тускло блеснул.

— Это не костюм покойника, Артур. Это стандартная униформа нашего заведения. А это, — он кивнул на значок, — сувенир. Очень качественная реплика. Мы нашли ее у вас в кармане вместе с игрушечным револьвером, когда вы пытались вскрыть себе вены куском

кафельной плитки в мужском туалете ресторана «Оникс». Громкий вышел скандал. Мадам мэр лишилась чувств прямо поверх десерта.

Слова падали в тишину палаты, как камни в глубокий колодец. Ресторан «Оникс». Мужской туалет. Кафельная плитка. Я помнил каждое слово. Помнил холодный край раковины под ладонями и то, как осколок фаянса легко вошел под кожу левого предплечья. Кровь текла густая, почти черная в желтом свете ламп. Но перед этим... перед этим там было другое. Секционный стол. Человек под ним. Сердце, завернутое в простыню.

— Тот человек в морге... — начал я. — Галлюцинация, осложненная острым психозом, — перебил доктор Фелл. Он положил мой фальшивый значок на журнальный столик рядом с пустой историей болезни. — Убийства по прозвищу «Калибровщик» не существует, Артур. По крайней мере, последние полгода. Четыре жертвы действительно были найдены без сердец, но серийный убийца скончался в тюрьме Синг-Синг еще до того, как вы получили свой первый жетон. Вы просто присвоили его почерк. Наш мозг — удивительный мясник, он умеет раздвигать реальность на филе гораздо изящнее любого хирурга.

Он встал и подошел к зарешеченному окну. За толстым армированным стеклом виднелась лужайка, огороженная трехметровым забором с витками колючей проволоки. Сумерки здесь казались искусственными, нарисованными гуашью.

— Меня зовут Ксавьер, — процедил я, пытаюсь напрячь мышцы и проверить прочность швов рубашки. Парусина затрещала, но выдержала. — Мистер Х. Я веду дело об исчезновении Эвелин Блэк. — Эвелин Блэк погибла при пожаре в пансионате Святой Агаты пятнадцать лет назад, — мягко возразил Фелл, даже не обернувшись. — Ее тело опознали по стоматологическим снимкам. Вы сами выезжали на вызов. Именно тогда ваша личность дала первую трещину. Вы начали путать свои отчеты с протоколами осмотра места преступления. Полицейский департамент отправил вас в бессрочный отпуск, а затем, когда вы попытались принести в участок сердце своей бывшей жены в коробке из-под сигар, нами заинтересовался суд.

Доктор развернулся. В его руке появился шприц-ручка с мутной желтоватой жидкостью. Игла хищно поблескивала.

— Сегодняшний инцидент в ресторане стал последней каплей. Ваша вторая ипостась чуть не убила семерых свидетелей. Нам пришлось использовать транквилизаторы для крупных животных. Теперь же нам нужно поговорить начистоту. Без вашего альтер-эго, которое сейчас забилося в самый темный угол вашего сознания и дрожит от страха.

Страх. Слово ударило током. Я вспомнил отражение в зеркале морга. Вспомнил ужас в глазах парня по имени Артур, когда он понял, что перчатки — лишь плод его воображения. Значит, я — Артур. Детектив-сумасшедший. Жалкая пародия на правосудие, обитающая в палате с мягкими стенами.

Но если я сошел с ума, почему простыни подо мной пахнут дешевым одеколоном «Брутал», которым пользуется шеф полиции Хэрроу? Почему на внутренней стороне правого запястья сквозь грубую ткань рубашки я чувствую рельеф свежей татуировки? Маленький компас. Такие бьют те, кто никогда не хочет возвращаться домой. Я сделал ее вчера утром. Или позавчера?

— Если я болен, где мои галлюцинации заканчиваются, доктор? — спросил я, глядя ему прямо в глаза. — Если нет ни «Калибровщика», ни мертвецов, объясните мне одну вещь. Как я оказался в закрытом холодильнике морга, если дверь снаружи блокируется электронным замком, код от которого знают только трое дежурных санитаров? Код меняется каждые двенадцать часов. Санитары клянутся, что не открывали камеру №4. Но внутри, на стальной полке, лежал свежий стетоскоп. Теплый. Ваш размер, доктор Фелл.

Лицо врача на мгновение утратило свою профессиональную маску. Уголки губ дернулись вниз. Он быстро шагнул ко мне, профессионально перехватил мою руку через ткань смирительной рубашки и вонзил иглу шприца в плечо. Боль была короткой и острой, сменившись ледяным онемением, расплзающимся по венам.

— Вы слишком много читаете бульварных романов, Артур, — сказал он, массируя место укола. — Стетоскоп вам показался. Это медицинский факт. Сейчас вы уснете, а завтра мы продолжим сеанс арт-терапии. Рисунки углем, которые вы оставляли в столовой, очень показательны. Особенно тот, где у доктора вместо головы...

Голос Фелла начал тонуть в нарастающем гуле лампы. Белизна потолка поплыла перед глазами, превращаясь в серый туман. Борьба с тканью бесполезна — химия оказалась быстрее моих мышц. Последним, что зафиксировало сознание, был звук удаляющихся шагов доктора и тихий металлический щелчок.

Щелчок замка. Не электронного. Старого, латунного, открывающегося плоским ключом.

Когда я проснулся во второй раз, палата изменилась.

Белые стены покрылись разводами сырости. Лампа дневного света погасла, и теперь комнату освещал только тусклый свет луны, пробивающийся сквозь решетку. Смирительной рубашки больше не было. Я лежал на голом металлическом столе, прикрытый тонкой больничной клеенкой. Мои руки были свободны, но накрепко пристегнуты к столу старыми кожаными ремнями с ржавыми пряжками. Классическая фиксация для шоковой терапии.

Рядом стоял передвижной хирургический столик на колесиках. На нем блестели разложенные инструменты: скальпель с длинной ручкой, костные кусачки, расширитель ребер и лоток, накрытый влажной марлей.

Сквозь плотную ткань лотка проступало темное, влажное пятно идеальной формы. Форма напоминала человеческий орган.

Я попытался сесть, но ремни держали крепко. Шея затекла. Повернув голову, я увидел кресло доктора Фелла. Оно пустовало.

А вот окно напротив стола было открыто настежь. Решетка погнута наружу, словно кто-то выламывал ее гидравлическим домкратом. По подоконнику тянулись мокрые следы. Размер обуви — сорок пятый. Широкий протектор армейских ботинок.

Такие следы оставляет человек, который весит около ста килограммов и носит обувь ручной работы из кожи аллигатора.

Шеф полиции Хэрроу.

Дверь в палату медленно, со скрипом несмазанных петель, начала открываться. В щель просунулась рука в дорогом шелковом манжете. Она не искала выключатель. Она уверенно нащупывала ручку каталки.

— Выходи, малыш Ксавьер, — прошептал из коридора знакомый бас, от которого стыла кровь в жилах. — Папочка принес тебе новую игрушку. Ты опять потерял свое сердечко, пока спал. Нехорошо разбрасываться вещами. Пришлось забрать твою последнюю улику по делу Эвелин, чтобы ты не наделал глупостей. Она отлично сохранилась в термосе со льдом.

По спине потянуло сквозняком. Запах изменился. Вместо антисептика и безумия повис тяжелый дух дорогого трубочного табака, коньяка и сладковатый, тошнотворный аромат начавшегося разложения.

Я зажмурился, отчаянно пытаюсь убедить себя, что это очередной провал в фантазии Артура. Что сейчас я открою глаза, и снова увижу белый потолок, услышу гул лампы и увижу скучающее лицо доктора Фелла.

Раз. Два. Три.

Я открыл глаза.

Окно все так же зияло черной дырой в холодную ночь. Каталка стояла на месте. А на лотке под марлей глухо, ритмично и совершенно живое отстукивало такт чье-то сердце.

Тук. Тук. Тук.

Оно билось ровно в два раза медленнее, чем мое собственное.

Глава 2. Анатомия гостеприимства

Название главы: Пульс в подарочной упаковке

Тишина коридора за дверью была обманчивой. Она не звенела, а густо вибрировала, словно огромное сытое животное дышало прямо в замочную скважину. Хэрроу никуда не спешил. Люди его калибра знают, что добыча в закрытой комнате рано или поздно сама выбьется из сил, пытаясь проглотить собственный ужас.

Я рванул ремни. Старая кожа протестующе скрипнула, но ржавые пряжки даже не думали поддаваться. Они были рассчитаны на вес вдвое больше моего и нрав куда более буйный.

— Ксавьер, перестань ломать казенное имущество, — голос шефа полиции звучал укоризненно, как у отца, поймавшего сына за курением в гараже. — Ты же знаешь правила. Сначала мы пьем, потом говорим о делах, а затем я решаю, какую часть тебя оставить клинике Фелла в качестве извинения за разбитое окно.

В проеме двери показался его силуэт. Массивный, заполняющий собой все пространство. В одной руке он держал хрустальный бокал с янтарной жидкостью, в другой — мой полицей-

ский жетон. Настоящий. Тот самый, который доктор Фелл полчаса назад называл «качественной репликой». Металл был теплым, почти горячим, будто лежал у него во внутреннем кармане пальто рядом с сердцем.

Хэрроу подошел к столу. Его тень накрыла меня полностью, отрезая от лунного света. Он сделал глоток, причмокнул губами и посмотрел на лоток с марлей.

— Знаешь, почему ты до сих пор жив? — спросил он, наклоняясь так близко, что я почувствовал запах мяты и оружейной смазки. — Потому что твой мозг работает чище любой лаборатории Портленда. Когда реальность становится слишком дерьмовой, Артур надевает маску мистера Х. А когда маска начинает трескаться от количества чужой крови, просыпаешься ты — напуганный психопат в смиренной рубашке. Идеальное прикрытие. Если бы ты действительно убил ту девочку, Эвелин, пятнадцать лет назад, вы бы никогда не нашли ее сердце. Оно бы сгнило вместе с тобой в камере смертников.

Он протянул руку и сдвинул влажную марлю в сторону.

Под ней, в лужице темной сукровицы, пульсировал человеческий орган. Но это было не просто сердце. Это был сложный механизм. От основания аорты тянулись тонкие серебряные нити, уходящие внутрь мышечной ткани, а вместо верхушки предсердий тускло поблескивала латунная заводная головка, похожая на те, что устанавливают на швейцарских хронометрах. Органическое часовое устройство. Сердце билось в такт секундной стрелке невидимых курантов.

— Мы называем их «Калибрами», — продолжил Хэрроу, указывая бокалом на механизм. — Не серийный убийца, Артур. Серийное производство. Твоя галлюцинация в морге прошлой ночью... этот парень под столом. Он не плод твоего больного воображения. Он — курьер. Инспектор ОТК. Он проверяет товар перед отправкой заказчику. И вчера вечером ты сорвал поставку.

События начали складываться в чудовищную мозаику, осколками режущую сознание. Секционный стол. Холод. Человек, называвший меня другим именем. Я пытался вскрыть себе вены не из-за раскаяния. Мой разум пытался совершить физическую перезагрузку, стереть оперативную память, потому что она была заполнена файлами, которые человеческая психика не должна открывать.

— Заказчик, — прохрипел я. Горло пересохло. — Кто покупает людей по частям? — Те, кто хочет жить вечно, идиот, — фыркнул Хэрроу. Он поставил бокал прямо мне на грудь. Стекло было ледяным. — Мэр города умирает от рака поджелудочной. Главный прокурор теряет зрение. Судья Верховного суда едва ходит после третьего инсульта. Им нужны новые запчасти. Молодая кровь. Чистые сосуды. А девочка, которую ты искал последние полгода... Эвелин Блэк... Она не сгорела. Она стала донором для жены губернатора. Сердце ребенка идеально подходит для трансплантации взрослым ублюдкам, если правильно остановить его биение. Ровно в полночь. Чтобы обнулить клеточный таймер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.